

Мухарямов Наиль Мидхатович

Доктор политических наук

Профессор кафедры социологии, политологии и права
Института цифровых технологий и экономики
Казанского государственного энергетического университета

Казань, Россия

Януш Ольга Борисовна

Кандидат политических наук

Доцент кафедры социологии, политологии и права
Института цифровых технологий и экономики
Казанского государственного энергетического университета

Казань, Россия

Дискурсы языковой политики как предмет текстологического изучения¹

Аннотация

Доклад содержит анализ дискурсивных аспектов управления культурно-языковым многообразием и эвристическим возможностям применения текстологического анализа. Дискурсы присутствуют в языковой политике как в качестве ее объектов, так и в виде составляющих самого проводимого курса. Анализ предмета в такой перспективе позволяет выявить эксплицитные и имплицитные стороны официальных текстов, используемые фреймы, также состав акторов, участвующих в политико-языковых отношениях.

Ключевые слова: языковое многообразие, языковая политика, текст, «текстуальная политика», институциональный дискурс.

В зарубежных исследованиях языковой политики отмечается, что усиление внимания к дискурсивным сторонам предмета — это факт, знаменующий наступление новой — четвертой — волны в истории данной области академических разработок.

Предшествующие фазисы здесь были отмечены своими приоритетами. В 1960-х — начале 1980-х годов интерес западных специалистов был сфокусирован на анализе «языкового планирования» по преимуществу в постколониальных контекстах. В 1990-е годы исследования проводились под влиянием так называемого «критического поворота» в социальных науках — обостренное внимание к проблематике власти, социальных иерархий и неравенства, использования языка как средства доминирования. Условный третий этап в развитии дисциплины «языковое планирование и языковая политика» — 2000-е годы — отмечен выдвиганием на передний план политико-идеологических составляющих и разнообразия агентивного состава (акторов).

Четвертая «волна», согласно рассматриваемой стадильности, отличается углубленным анализом дискурсивных сторон — сдвигами в самих дефинициях «языковой политики» и в теоретических рамках исследований, разработкой дискурс-аналитических методологий².

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта 19-011-31465 «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях»

² См.: *Discursive Approaches to Language Policy* / E. Barakos, J. W. Unger (Eds.) — L.: Palgrave Macmillan, 2016. — P. 11–18.

Дискурсивные процессы и отношения становятся точкой соединения меж(транс- или кросс)дисциплинарных подходов и методологий, что связано также и с расширением концептуального инструментария. Языковая политика как предметная область естественным образом связана с вербализацией, причем, затрагивающий весь объектно-субъектный комплекс. В ряде разработок понятия «язык», «политика», «текст» и «дискурс» образуют общую категориальную структуру.

Согласно разъяснению, предложенному Дж. Лемке, разграничение понятий «текстуальная политика» и «дискурс» пролегает по следующей логической линии: «Когда я говорю о дискурсе в общем смысле, то я обычно буду иметь в виду социальное действие по производству смысла при помощи языка или других символических систем в какой-то определенной ситуации или обстановке... В каждом случае, когда производится особый род смыслов, характеристик этого дискурса, возникает текст. Дискурсы как социальные действия, более или менее направляемые социальными обычаями, порождают тексты, которые так или иначе сходны по своим смыслам... Когда мы хотим сосредоточиться на специфике события или случая, то говорим о тексте; когда же мы хотим посмотреть на паттерны, на общность и отношения, объединяющие различные тексты и случаи, то мы можем говорить о дискурсах»¹.

Дискурсивные измерения языковой политики предстают в виде разноплановой картины, в том числе — в названной объектно-субъектной перспективе. Один контур здесь можно условно назвать «дискурсы как объект языковой политики», или область ее применения. В ряде работ исследуется, например, такая функция языковой политики, как «планирование дискурса». Под другим углом зрения собственно языковая политика анализируется как дискурсивных феномен, как дискурсивная по своей природе деятельность, связанная с производством политико-образующих смыслов и их претворением в виде целенаправленного, рационально обоснованного курса.

Вторая из этих исследовательских перспектив нацелена на выявление дискурсивных свойств и политических функций воздействия на языковую жизнь общества. Иными словами, языковую политику можно понимать как дискурсивный процесс².

Сама природа дискурсивного и, следовательно, используемые при анализе методологические принципы связаны с выяснением ситуативной обстановки (внешнего по отношению к тексту окружения) коммуникативного события. Дискурс как таковой по существу аксиоматически — независимо от особенностей теоретических или концептуальных трактовок — понимается через речевое действие, взятое в единстве с коммуникативными контекстами, через формулу «текст в контексте». Отсюда — происходящая в политико-языковой подсистеме отношений динамика, вызывающая контекстуализацию, деконтекстуализацию, реконтекстуализацию. Акты, нормативные установления, декларируемые принципы могут восприниматься и интерпретироваться по-новому, в зависимости от меняющихся обстоятельств как временного, так и пространственного плана.

Дискурс как действие, как использование языка предполагает момент активного и целенаправленного участия разнородных акторов, вовлеченных — в данном случае — в политико-языковые отношения, момент агентивности³.

¹ Цит. по: Wodak R., de Cilla, R. Politics and Language: Overview // Encyclopedia of Language & Linguistics, Second Edition. — Oxford Vol. 9. — Oxford. — Elsevier, 2006. — P. 710.

² См., например: Johnson D. C. Language Policy Discourse and Bilingual Language Planning // Working Papers in Educational Linguistics (WPEL) [сайт]. — Vol. 19. — № 2. — Spring 2004. — P. 73–97. — URL: <http://repository.upenn.edu/wpel/vol19/iss2/4> (дата обращения 11.10.2019).

³ См: Perez-Milans M., Tollefson J. W. Language Policy and Planning: Directions for Future Research // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. — Oxford, 2018. — P. 730–731.

Далее, дискурс-анализ языковой политики позволяет сделать «*имплицитное эксплицитным*». В развернутого и аргументированного изложение при этом переводится то, что прежде располагалось на поверхности и предлагалось принимать на веру, а именно — «имплицитные взаимоотношения между дискурсом, властью и идеологией»¹.

Дискурсивно-аналитические приёмы в данной области позволяют оценивать какие-то смысловые конструкты таким статусом, как *фреймы*, как «организующие принципы» для выявления значений, определения проблем, интерпретации, оценочных суждений.

Далее, интердискурсивные (интертекстуальные) связи охватывают спектр качественно самостоятельных смысловых комплексов деятельности разнообразных субъектов. Это — соотнесение «секторальных» дискурсов: законодательного, исполнительно-распорядительного, академического и экспертного, масс-медийного, образовательного, «символьно-элитного» (творческая интеллигенция), активистского (представляющим участников из гражданского, «третьего» сектора), сетевого и проч. На этой основе можно оценивать различные состояния — интегрированные и фрагментарные — всей публично-информационной среды языковой политики.

Названные моменты, взятые в совокупности, дают основания для того, чтобы видеть степень актуализации и нормативной закреплённости представлений относительно языка и политики, степень институциональных качеств самого дискурсивного пространства вокруг политико-языковых процессов и отношений, степень институциональной репрезентации самой политической природы разных форм воздействия властных инстанций и не превращая субъектов на языковое устройство общества.

Целенаправленное выстраивание интердискурсивных (интертекстуальных) взаимодействий позволяет транслировать предписания, изложенные в бюрократической (аппаратной) стилистике, в публично-информационное пространство. В сегодняшней ситуации такие «каналы» в значительной степени выглядят заблокированными. Не решена одна из ключевых дискурсивных проблем: как довести до сведения простых людей, в чем состоит различие между правовыми конструкциями «государственный язык» и «родной язык». Даже авторитетные специалисты вынуждены констатировать: «Подчас на местах катастрофически не хватает разъяснительной информации... И пока, к сожалению, вопросов действительно больше, чем ответов» [Не просто русский. В школе появились два новых предмета — русский родной язык и русская родная литература // *Российская газета*, 16 сент. 2019].

Смыслы происходящих перемен и нормативно-правовых новаций в образовательно-языковой политике страны еще ожидают внятного с дискурсивной точки зрения изложения, доступного для понимания гражданами.

Библиография

1. Discursive Approaches to Language Policy / E. Barakos, J. W. Unger (Eds.) — L.: Palgrave Macmillan, 2016.
2. Johnson D. C. Language Policy Discourse and Bilingual Language Planning // Working Papers in Educational Linguistics (WPEL) [сайт]. — Vol. 19. — № 2. — Spring 2004. — P. 73–97. — URL: <http://repository.upenn.edu/wpel/Vol.19/iss2/4> (дата обращения: 13.11.2019).
3. Perez-Milans M., Tollefson J. W. Language Policy and Planning: Directions for Future Research // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning. — Oxford, 2018.
4. Wodak R., de Cilla, R. Politics and Language: Overview // Encyclopedia of Language & Linguistics, Second Edition. — Vol. 9. — Oxford: Elsevier, 2006.

¹ Wodak R., Savski K. Critical Discours-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning / Ed. By J. W. Tollefson and M. Perez-Milans. — N.-Y.: Oxford University Press, 2018. — P. 94.

5. *Wodak R., Savski K. Critical Discours-Ethnographic Approaches to Language Policy // The Oxford handbook of Language Policy and Language Planning / Ed. by J. W. Tollefson and M. Perez-Milans. — N. Y.: Oxford University Press, 2018.*

Тальская Ольга Дмитриевна

Ассистент кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

**«Россия и Англия в Средней Азии» М. А. Терентьева:
политико-текстологический анализ**

Аннотация

Статья посвящена выдающемуся труду известного русского военного, исследователя М. А. Терентьева (1837–1907) «Россия и Англия в Средней Азии». Особенное внимание уделяется этнографическим исследованиям, содержащимся в данном произведении, и влиянию книги на осуществление русской политики в Туркестане.

Ключевые слова: Туркестан, М. А. Терентьев, Большая Игра, история социально-политической мысли России.

Михаил Африканович Терентьев — генерал-лейтенант, востоковед, ученый, непосредственный участник завоевательных походов в Среднюю Азию. Родился он 8 января 1837 г. в помещичьей семье Африкана Яковлевича Терентьева в Воронежской губернии. Его отец учился в Морском кадетском корпусе, где и остался на службу. Помимо этого, он был известен и как ученый — в области ведении сельского хозяйства, а также истории и этнографии Воронежской губернии. Михаил Африканович продолжил дело отца — стал военным, поступив в Воронежский кадетский корпус.

Его перу принадлежит несколько важных с политической точки зрения работ по освоению Туркестанского края, часть которых была написана им по поручению генерала Кауфмана.

Еще в XIX веке М. А. Терентьевым была написана «История завоевания Средней Азии»¹. Книга вышла в трех томах лишь в 1906 году. Он очень подробно описал весь ход завоевания, основываясь на архивных документах Туркестанского генерал-губернаторства. Терентьев не обошелся без критики в адрес царской власти и, конечно, учел выводы английских исследователей, стремившихся создать образ «опасной России». Во введении к работе «Россия и Англия в Средней Азии» он говорит о некоей объективности данного труда: «Мой труд был уже передан в типографию, когда в Петербурге получены были книги Хуттона² и Раулинсона³. Я, конечно, тотчас же воспользовался теми данными, какие мне не были еще известны и пополнил ими свою работу. Таким образом, читатель найдет у меня не только подробности о наших последних сношениях с ханствами и с Англией, но и все, что было говорено иностранцами по поводу наших возможных целей. В нашей среднеазиатской политике никаких секретов нет. Кто ведет дело начистоту, кто не прибегает к закулисным

¹ *Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. — Т. 1–3. — СПб, 1906.*

² *Hutton J. Central Asia: from the Aryan to the Cossack. — London, 1875.*

³ *Rawlinson H. England and Russia in the East. — London, 1875.*